

Елена Алексеевна Федорова (Гаричева)

*доктор филологических наук,
доцент кафедры теории и практики
коммуникации Ярославского государственного
университета им. П. Г. Демидова;
научный сотрудник Рыбинского
государственного историко-архитектурного
и художественного музея
(Ярославль, Рыбинск, Российская Федерация)*
sole11@yandex.ru

Ирина Святославовна Андрианова

*кандидат филологических наук,
заведующая Web-лабораторией
филологического факультета,
Петрозаводского государственного
университета
(Петрозаводск, Российская Федерация)*
yarysheva@yandex.ru

КТО АВТОР РАССКАЗА ПО МОТИВАМ РОМАНА ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»?

Аннотация. Рассказ «Раздавили! человека раздавили!» сегодня забыт. Между тем в библиографических указателях А. Г. Достоевской и С. В. Белова, а также в отзыве учебного комитета Св. Синода («Новгородские епархиальные ведомости» — 1879, № 1) он приписывается перу Достоевского. В статье впервые поставлена проблема авторства данного рассказа. Он был опубликован дважды — в журнале «Детское чтение» (1870) и в детском сборнике «В своем кругу» (1875), составленном А. Н. Острогорским. Во второй редакции смягчены страшные описания страданий раздавленного на улице лошадьми отца семейства, исчезли разговорные интонации, уменьшилась экспрессивность речи. Отсутствие рассказа в последующих изданиях указанного сборника А. Н. Острогорского объясняется заключением учебного комитета Св. Синода, что он слишком тяжел для детского восприятия. Проведенный сравнительный анализ рассказа «Раздавили! человека раздавили!» со схожим по сюжету эпизодом из романа Ф. М. Достоевского «Преступление и Наказание» (трагической гибелью Мармеладова) выявляет очевидные различия — в субъекте повествования, в характерах главных героев, в стиле изложения. Обращение к программной статье журнала «Детское чтение», написанной его редактором (1869—1877) А. Н. Острогорским, где обозначено, что одним из основных направлений развития журнала является переделка для детей произведений, написанных для взрослых, позволило сделать вывод, что автором рассказа «Раздавили! человека раздавили!» является А. Н. Острогорский. Высказывается обоснованное предположение, что разрешение на переделку эпизода из «Преступления и Наказания»

получил В. П. Острогорский (двоюродный брат А. Н. Острогорского), знакомый с Достоевским со времени сотрудничества в журнале «Время», и писатель не имел на это возражений. А. Н. и В. П. Острогорские разделяли педагогические и философские взгляды Достоевского, обращались к его биографии и творчеству в своих трудах после смерти писателя.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Преступление и Наказание», А. Н. Острогорский, В. П. Острогорский, «Детское чтение», «В своем кругу», атрибуция, детские журналы XIX века

В последнее время в газетной периодике 1873 года найден авторский текст, подписанный Достоевским, а также рецензии на произведения писателя, вышедшие при его жизни и не включенные в библиографические указатели [5], [6]. Перед современными исследователями возникает задача нового обследования периодических изданий, альманахов, хрестоматий, литературных сборников 1840—1870-х годов. Более того, как отмечает О. В. Захарова, «сегодня необходим новый библиографический указатель “Достоевский в прижизненной критике”, в котором следует учитывать не только статьи и рецензии на произведения автора, но любое упоминание Достоевского, его произведений, героев, изданий, которые он редактировал (журналы “Время”, “Эпоха”, “Гражданин” за 1873—1874 гг.), объявления о выходе изданий, альманахов и сборников, в которых он участвовал» [6, 323].

В 2010 году Е. А. Федорова (Гаричева), изучая подшивки газеты «Новгородские епархиальные ведомости», обнаружила интересную публикацию: в ее 1-м номере (от 15 января 1879 г.) напечатано «Опрѣделение Святѣйшаго Синода. Отъ 3—13-го ноября 1877 г. за № 1832, объ изданныхъ полковникомъ Острогорскимъ книгахъ для дѣтскаго чтенія...»¹. Учебный комитет при Св. Синоде, занимавший верхнюю ступень в иерархии ведомств, регламентирующих детское чтение в XIX веке, дает характеристики всем произведениям из сборников для детей «По белу свету» (1876), «У рабочих людей» (1876), «В своем кругу» (1875), «Детский Альманах» (1876), составленных А. Н. Острогорским. В числе прочих приведен отзыв о рассказе «Раздавили! человека раздавили!», приписываемом Достоевскому и опубликованном в сборнике для детского чтения «В своем кругу» (1875)². Приведем это определение:

Рассказъ “Раздавили! человекъ раздавили!” принадлежитъ перу извѣстнаго писателя Достоевскаго; написанъ онъ живо, но оставляетъ даже во взросломъ читателѣ тяжелое, мрачное впечатлѣніе; заключеніе его ставитъ семью раздавленнаго человекъ въ такую безвыходность, что нельзя не пожалѣть о внесеніи подобнаго рассказа въ собраніе статей для дѣтскаго чтенія. Могутъ сказать, что это впечатлѣніе хотя будетъ и рѣзко, но благотворно; оно пробудитъ сочувствіе въ ребенкѣ къ страждущему человекъу, къ бѣдной семьѣ трудолюбиваго человекъа, вызоветъ даже практическое желаніе помочь бѣдняку, но все же подобное впечатлѣніе слишкомъ тяжело, и такъ какъ дѣти, особенно нервныя и впечатлительныя, легко поддаются возбужденію чувства, то мрачная картина страшнаго

горя житейского и страданій невинно, случайно потерпѣвшаго человѣка, съ сознаниемъ собственнаго безсилія помочь этому горю, облегчить его, — можетъ принести дѣтямъ много страданія нравственнаго. Это разсказъ не для дѣтей³.

Несмотря на признание рассказа «Раздавили! человека раздавили!» «не-детским», общее заключение учебного комитета при Св. Синоде относительно сборника «В своем кругу» было положительным: «...хотя нѣкоторые рассказы <...> и нельзя признать вполне удачными, тѣмъ не менѣе въ цѣломъ книга и по направленію своему, и по содержанію заслуживаетъ одобренія для библиотекъ духовныхъ училищъ»⁴.

«Определение Святейшего Синода», опубликованное при жизни Достоевского, не учтено в библиографических указателях А. Г. Достоевской [3] и С. В. Белова [1]. О нем, скорее всего, не знал и сам писатель⁵. Рассказ «Раздавили! человека раздавили!» оказался забыт, его литературная судьба сложилась неблагоприятно, проблема авторства этого произведения до сих пор не была исследована.

Впервые она была обозначена в сетевом издании «Федор Михайлович Достоевский. Антология жизни и творчества», выходящем под редакцией С. Рублева. Здесь размещена pdf-версия первой публикации рассказа, для которой дан подзаголовок: «Плагиат отрывка романа “Преступление и наказание”, опубликованный в журнале “Детское чтение”», — и комментарий:

В журнале опубликован отрывок прозаического произведения (часть главы романа, рассказа и т. п.) под заголовком «Раздавили! Человека раздавили!» (с. 111—119), сходный до степени смешения с аналогичным отрывком романа «Преступление и наказание» (сцена раздавленного лошадей Мармеладова). Издателями не указан (по всей вероятности, сознательно) автор напечатанного отрывка, а также название произведения. Публикуемый текст, несмотря на схожесть с прижизненными публикациями романа «Преступление и наказание», имеет отличия, вплоть до изменения фамилий, имен и отчеств героев.

Позднее первоначальный комментарий был отредактирован и на сегодняшний день выглядит следующим образом:

В журнале напечатан отрывок прозаического произведения, сходный до степени смешения с аналогичным отрывком романа «Преступление и наказание». Издательское заглавие — “Раздавили! Человека раздавили!”. Автор напечатанного отрывка и название заимствованного произведения составителями не указаны сознательно.

Публикуемый текст, несмотря на схожесть с прижизненными публикациями романа “Преступление и наказание”, имеет отличия вплоть до изменения фамилий, имен и отчеств героев⁶.

Объективные доказательства, подтверждающие мнение, что рассказ из «Детского чтения» — это плагиат (т. е. умышленное присвоение авторства чужого произведения) отрывка из «Преступления и Наказания»⁷, в сетевом издании не приводятся.

Обратимся к истории появления рассказа в печати. Впервые он был опубликован в 1870 году в иллюстрированном педагогическом журнале «Детское чтение»⁸. Эта публикация с пометой «Изъ романа “Преступление и Наказаніе”» отмечена в библиографическом указателе А. Г. Достоевской в подразделе «Изданія для дѣтскаго чтенія, выбранныя изъ сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго». В указателе С. В. Белова рассказ «Раздавили! человека раздавили!» также учтен: вместе с рассказом «Вечный муж» отнесен к сочинениям Достоевского, изданным в 1870 году [3, 299], [1, 22]⁹.

Илл. 1. Обложка журнала «Детское чтение»

Вторая (она же и последняя) редакция рассказа «Раздавили! человека раздавили!» вышла в 1875 году в сборнике повестей и рассказов для детей «В своем кругу», составленном А. Н. Острогорским¹⁰.

Впоследствии сборник выдержал три переиздания (в 1889, 1892, 1899 годах), печатались и отдельные выпуски рассказов из него — однако рассказ, приписываемый Достоевскому, в эти издания не был включен. Вероятно, составитель сборника А. Н. Острогорский больше не публиковал его по причине замечаний и резюме: «этот рассказ не для детей», — изложенных в отзыве учебного комитета Св. Синода.

«Детское чтение»¹¹, в котором впервые вышел рассказ, — один из самых читаемых, массовых и передовых журналов второй половины XIX — начала XX веков (1869—1918, с 1906 — «Юная Россия»), идейно связанный с первым журналом для детей «Детское чтение для сердца и разума» Н. И. Новикова (1785—1789). Первые 15 лет издания журналом руководили известные педагоги, приверженцы взглядов Н. И. Пирогова и К. Д. Ушинского — двоюродные братья Алексей Николаевич (1840—1917) и Виктор Петрович (1840—1902) Острогорские. С января 1869 по июнь 1877 года журнал «Детское чтение» (а следовательно, и номер с рассказом «Раздавили! человека раздавили!») выходил под редакцией А. Н. Острогорского, с июня 1877 по июнь 1884 года — В. П. Острогорского.

А. Н. Острогорский, подобно Достоевскому, получил военное образование — окончил Петербургский кадетский корпус, Михайловскую артиллерийскую академию, затем работал воспитателем в учебных заведениях военного ведомства, преподавателем и директором в Московской учительской семинарии. Литературную деятельность начал в конце 50-х — начале 60-х годов в журналах «Искра», «Современник», статьи по педагогике («Н. И. Пирогов и его педагогические заветы», «Педагогические экскурсии в область литературы», «Обучение и воспитание» и др.) публиковал в журналах «Учитель», «Чтение для юношества», «Образование», «Библиотека для чтения» и др.

Алексѣй Николаевичъ

Острогорскій

1907 г.

Илл. 2. Портрет А. Н. Острогорского (1907)¹²

В. П. Острогорский — известный педагог-словесник, получивший образование на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета. Он — автор литературно-критических «этюдов» о творчестве Пушкина, Лермонтова, Гоголя, С. Аксакова, Гончарова, один из первых исследователей творчества Кольцова, Плещеева, Помяловского и др. Кроме «Детского чтения», в разные годы он редактировал журналы «Дело» (1883—1884), «Воспитание и обучение» (1885), «Мир Божий» (1892—1902), вел активную просветительскую работу, в 1896 году на Валдае (Новгородской области) основал на свои средства одноклассную общеобразовательную школу для детей бедняков.

Илл. 3. Портрет В. П. Острогорского¹³

Журнал «Детское чтение» благодаря деятельности Острогорских имел хорошую репутацию. Они смогли привлечь к участию в качестве авторов известных детских писательниц Х. Д. Алчевскую, Е. Н. Водовозову, Л. П. Шелгунову, выдающегося педагога-естественника К. К. Сент-Илера, писателей и поэтов Я. П. Полонского, А. Н. Плещеева, Н. С. Лескова, П. В. Засодимского и др.

Одним из самых важных отделов журнала «Детское чтение» был литературный (беллетристический). Описывая программу этого отдела, А. Н. Острогорский подчеркивал «стремление редакции давать детям такой материал для чтения, в котором бы читатели встречались с живою

действительностью, без лживого умалчивания о темных и порочных сторонах людских деяний. Если необходимо возбудить в детях сочувствие ко всему хорошему, доброму, высокому, то также важно и дать им почувствовать отвращение к дурному. Не философа-созерцателя желательно готовить из ребенка; жизнь требует борьбы, а борьба невозможна без чувства горечи, недовольства, отвращения и даже злобы к дурному <...> Воспитание жизнью и для жизни — вот чем определяется так называемое направление нашего журнала»¹⁴.

Подобные взгляды А. Н. Острогорского на воспитание были близки Ф. М. Достоевскому: он считал, что надо показывать детям трудности жизни, необходимо готовить их к жизненным испытаниям. Эта тема развивается им в «Дневнике Писателя» за январь 1876 года, предваряя рассказ о колонии несовершеннолетних. «Вся педагогика, — сетовал писатель, — ушла теперь в заботу об облегчении. Иногда облегчение вовсе не есть развитие, а, даже напротив, есть отупление. Две-три мысли, два-три впечатления поглубже выжитые в детстве, собственным усилием <...> проведут ребенка гораздо глубже в жизнь, чем самая облегченная школа»¹⁵. Достоевский — за отсутствие «облегчения», за «собственное усилие», даже за страдание, которое предпочитается «облегчению». Другая, более распространенная, точка зрения заключалась в том, что детей нельзя травмировать изображением тяжелой жизни, особенно необходимо избегать картин безвыходных жизненных ситуаций. Именно она выражается в приведенном выше из «Новгородских епархиальных ведомостей» отзыве на рассказ «Раздавили! человека раздавили!».

Согласно содержанию журнала «Детское чтение» за 1870 год, автором первых двух произведений («Чарльз Диккенс» и «Про старину нашей родины...») стал В. П. Острогорский; далее следуют рассказы «Раздавили! человека раздавили!» и «Ягуар», авторы которых не указаны; затем помещены «Олимпийские игры» В. Сорокина, «Четвертая прогулка» Л. Ганике, «Колдуны» В. Висковатова.

Кто же автор рассказа «Раздавили! человека раздавили!» — жанровой и стилистической обработки эпизода из «Преступления и Наказания»?

У рассказа неизвестного автора и эпизода из романа Достоевского (часть вторая, глава VII) общий сюжет: гибель отца семейства, которого раздавила коляска с лошадьми (из-за полученных травм он скончался на руках у своих родных в квартире, куда его успели принести), изображение горя и отчаяния его жены, оставшейся с тремя детьми на руках. Однако очевидны и различия — прежде всего в субъекте повествования, в характерах главных героев, в стиле изложения.

Повествование в рассказе ведется от первого лица — от имени человека, который стал свидетелем того, как коляска раздавила чиновника Прохорова, и который помог доставить умирающего к жене и детям. История Ивана Михайловича Прохорова близка сюжетной линии «Преступления

и Наказания», но в то же время образ этого героя отличается от образа Мармеладова:

Прокормить, обушь, одѣть эту семью было труднымъ дѣломъ для бѣднаго чиновника; какъ ни билась жена его, Катерина Ивановна, но часто ей не хватало денегъ на самое необходимое. Тогда Иванъ Михайловичъ занималъ у дворника, или несъ что-нибудь заложить знакомой еврейкѣ. Конечно, это плохо поправляло дѣло. Занятые деньги надо было отдать, да еще съ приплатой, и на слѣдующій мѣсяцъ поневолѣ опять не хватало. Иногда — но это рѣдко бывало — давали Ивану Михайловичу переписать что-нибудь, дарили поношенное платье, посылали съ порученіемъ и за это платили какую-нибудь бездѣлицу.

Вечеромъ этого дня Иванъ Михайловичъ пошелъ закладывать лѣтнее пальто жены, такъ какъ на зиму оно было не нужно. Подойдетъ лѣто, думалъ онъ, тогда можно будетъ зимнее заложить, а на эти деньги лѣтнее выкупить. Возвращенія его ждали съ нетерпѣніемъ: онъ долженъ былъ принести чаю, сахару и липоваго цвѣту для сына, которому съ утра нездоровилось¹⁶.

В отличие от Прохорова, Мармеладов — человек с завышенными амбициями, остро переживающий свою незаслуженную «униженность», «оскорбленность жизнью», требующий от жизни большего, чем она может ему дать. Прохоров же не бунтует, не пытается уйти от действительности — и тем трагичнее воспринимается ситуация безысходности, в которой оказалась его семья.

В некоторых чертах Катерина Ивановна Прохорова близка героине романа Мармеладовой — женщине эмоциональной, горячей и гордой. Героиня рассказа способна дать отпор тем, кто переходит границу дозволенного в человеческих отношениях. Так, она пытается урезонить шумных любопытствующих гостей хозяйки квартиры: «...Хоть бы умереть-то дали спокойно <...> Что смотрѣть пришли, чего стали. Съ папиросами, въ шляпѣ. Вонъ подите. Хоть къ больному-то имѣли бы уваженье» (116). Жена Прохорова активно протестует против требования квартирной хозяйки отправить умирающего в больницу: «Опомнитесь, что вы говорите. Развѣ вы не видите въ какомъ онъ положеніи. Я васъ прошу сейчасъ же запереть двери и не впускать сюда никого. Если вы сами вздумаете шумѣть здѣсь, завтра же я пожалуюсь на васъ» (116—117). Однако ни в чем героиня рассказа не переступает черту, поведение ее нельзя назвать эксцентричным — таким, как у Катерины Ивановны Мармеладовой.

Катерина Ивановна Прохорова не бунтует, подобно Мармеладовой, обвинившей в своих страданиях не только общество, но и Бога:

— Богъ милостивъ; надѣйтесь на помощь Всевышняго, началь-было священникъ.

— Э-эхъ! Милостивъ да не до насъ! <...> Вѣдь онъ самъ, пьяный, подъ лошадей полѣзъ! Какихъ доходовъ? Отъ него не доходы, а только мука была. Вѣдь онъ, пьяница, все пропивалъ. Насъ обкрадывалъ, да въ кабакъ носилъ, ихнюю <детей> да мою жизнь въ кабакъ извелъ! И слава Богу, что помираетъ! Убытку меньше!¹⁷

Героиня же рассказа сначала, увидев умирающего мужа, «съ испугу ничего не могла сказать» (115), потом «грустно глядѣла на больнаго. Изъ глазъ ея текли слезы» (117). Ее «тихие» слова: «Скончался <...> Ну, что я теперь буду дѣлать? Чѣмъ я похороню его? А чѣмъ ихъ то, ихъ то завтра чѣмъ покормлю?» (119) — завершают рассказ и остаются без ответа.

В этом рассказе нет ничего, снижающего образы героев (Прохорова, его жены, квартирной хозяйки), поэтому так тяжело переживается гибель отца, кормильца семьи. Безвыходность ситуации в рассказе очевиднее, чем в романе Достоевского.

В пересказе эпизода из романа Достоевского усилен дидактический смысл, но «тайна человека», которая всегда в центре внимания писателя, отступила на второй план. У Достоевского всегда остается недоговоренность, незавершенность повествования, читатель слышит голос самого героя, который приближает к этой «тайне», погружает в духовные глубины человека. В рассказе этого нет.

Отметим, что помещенный в сборник детского чтения «В своем кругу» 1875 года рассказ «Раздавили! человека раздавили!» отличается от его первой, журнальной публикации: смягчены страшные описания страданий раздавленного лошадыми на улице отца семейства, исчезли разговорные интонации, уменьшилась экспрессивность речи. Так, во второй редакции нет следующих описаний: «Съ лица, съ головы текла кровь. Лицо было все избито, ободрано, исковеркано» (112), «окровавленное лицо» (116), «кровитю, крови сколько» (117), «истерзана» (118), «зловѣщее, большое» (Съ лѣвой стороны, противъ сердца, было зловѣщее, большое, желтовато-черное пятно» (118)). Вместо «прохрипел» использован глагол «шептал» («— Священника! — прохрипѣль онъ» (117)), народно-речевую форму: «слабенькой» («Кучерь-то ему крикнуль, да онъ, ишь, какой слабенькой» (112)) — заменило общелитературное слово: «слабенький»; исчезло восклицание «Э-эх!» («— Босенькая, — пробормоталь онъ чуть внятно — сироткой будетъ... Э-эхъ!...» (117)).

Автором неподписанного рассказа из «Детского чтения», по всей вероятности, является не Достоевский, а сам редактор — А. Н. Острогорский. В «Детском чтении» он поместил много своих произведений (научно-популярные статьи, художественные произведения, главным образом рассказы о явлениях природы, мире животных, а также статьи биографического жанра), вышедших потом, в виде сборников, отдельными изданиями: «На досуге. Этюды по естествознанию» (1890), «Среди природы» (1874), «По белу-свету», «У рабочих людей» (1876), «В своем кругу» (1875)¹⁸. В программной статье «Десятилетие журнала “Детское чтение” (период первый — с января 1869 г. по июнь 1877 г. вкл.)» А. Н. Острогорский писал о том, что литературный (беллетристический) отдел был самым трудным для редакции, т. к. она осознавала «неудовлетворительность детской беллетристики», «бедность этого рода литературы». Решение вопроса

о беллетристическом отделе редакция нашла в следующем: «1) возложить надежду на то, что его будут пополнять оригинальными трудами те же силы, которые работают в литературе для взрослых; 2) наполнять его переводами; 3) *пользоваться готовым материалом, который дает литература для взрослых, и переделывать его для детей*» (курсив наш. — Е. Ф., И. А.). «Переводы и переделки», как отмечает А. Н. Острогорский, были главными «средствами для ведения беллетристического отдела журнала» [8, 198—199].

Рассказ «Раздавили! человека раздавили!» — это переделанный А. Н. Острогорским, с учетом детского восприятия, один из ключевых эпизодов романа Достоевского «Преступление и Наказание». Утверждение, опубликованное в сетевом издании «Федор Михайлович Достоевский. Антология жизни и творчества», о том, что рассказ — плагиат, безосновательно. Без согласия Достоевского он не мог быть напечатан. Редактор знал о правах литературной собственности, о чем сообщает в статье «Десятилетие журнала “Детское чтение”»: «...широкому развитию детской литературы именно в этом наиболее желательном направлении (переделывание взрослой литературы для детей. — Е. Ф., И. А.) служат препятствия со стороны литературной собственности». Здесь же он признается: «...мы давали <...> близкие заимствования и от русских авторов, например из Григоровича, Достоевского (курсив наш. — Е. Ф., И. А.), Шеллера, Печерского и других» [8, 202].

В сохранившихся документальных свидетельствах Достоевского (переписка, записи в рабочих тетрадях, воспоминания разных лиц о нем) нет сведений о знакомстве Ф. М. Достоевского с А. Н. Острогорским. Однако известно, что с 1860-х годов с писателем общался его двоюродный брат В. П. Острогорский. Литературная карьера последнего началась с участия в журнале Достоевских «Время»: в №№ 7—8 за 1861 год вышла комедия «Липочка», написанная совсем юным В. П. Острогорским, активным участником педагогического движения 60-х годов. Как отметила В. С. Нечаева, «его “Липочка” написана под сильным влиянием “натуральной школы” 40-х годов с ее “бедными чиновниками”, оболыщенной девушкой и бездушными представителями столичной чиновной молодежи» [10, 223]. Комедия В. П. Острогорского не была «произведениемъ чисто-художественнымъ, а била на вопросъ дня». Но поставлена на сцене она была только спустя три года после публикации во «Времени», в связи с этим утратила свое злободневное звучание и «стала просто скучной». Об этом писал Д. В. Аверкиев в обзоре «Русскій театръ въ Петербургѣ. Первые три недели сезона», помещенном в другом журнале М. М. и Ф. М. Достоевских — «Эпоха» (1864, № 7)¹⁹.

Можно предположить, что разрешение на переделку эпизода из «Преступления и Наказания» и публикацию рассказа «Раздавили! человека раздавили!» в «Детском чтении» получил у Достоевского В. П. Острогорский. На это косвенно указывает тот факт, что во второй половине 1870-х годов В. П. Острогорский, уже став редактором «Детского чтения», обращался

к Достоевскому с просьбой дать произведения для публикации в журнале. Так, в письме к А. Г. Достоевской ее двоюродного брата А. Н. Сниткина от 1 октября 1877 года находим: «Редактор журнала “Детское чтение” Виктор Петрович Острогорский, зная, что мы с Федором Михайловичем в родстве, просил меня попросить Федора Михайловича, не будет ли он в состоянии уделить что-нибудь из его портфеля для напечатания в декабрьской книжке журнала. Это бы, сама знаешь, подняло бы журнал в глазах публики, и действительно полезное дело приняло бы широкий размер. В. П. Острогорский лично бы попросил Федора Михайловича, но ему хочется наперед знать, как бы он принял эту просьбу»²⁰.

Об отношении Достоевского к переделкам его произведений можно узнать из писем писателя к В. Д. Оболенской и М. П. Федорову. 6 декабря 1871 года княжна Варвара Дмитриевна Оболенская, дочь тогдашнего товарища министра государственных имуществ, обратилась к писателю за разрешением переделать роман «Преступление и Наказание» в драму для представления в Императорских театрах. В ответном письме от 20 января 1872 года Достоевский, дав согласие на это, подчеркнул сложность, почти невозможность стоящей перед ней задачи:

На счетъ же Вашего намѣренія извлечь изъ моего романа драму, то конечно я вполне согласенъ, да и за правило взялъ никогда такимъ попыткамъ не мѣшать; но не могу не замѣтить Вамъ, что почти всегда подобныя попытки не удавались, по крайней мѣрѣ вполне.

Есть какая то тайна искусства по которой эпическая форма никогда не найдетъ себѣ соотвѣтствія въ драматической. Я даже вѣрю, что для разныхъ формъ искусства существуютъ и соотвѣтственные имъ ряды поэтическихъ мыслей, такъ что одна мысль не можетъ никогда быть выражена въ другой, не соотвѣтствующей ей формѣ.

Другое дѣло если Вы какъ можно болѣе передѣлаете и измѣните романъ, сохранивъ отъ него лишь одинъ какой нибудь эпизодъ, для переработки въ драму или взявъ первоначальную мысль совершенно измѣните сюжетъ... И однакоже отнюдь прошу не принимать моихъ словъ за отсовѣтываніе. Повторяю, я совершенно сочувствую Вашему намѣренію, а Ваше желаніе непременно довести дѣло до конца мнѣ чрезвычайно лестно... Еще разъ извините мой поздній отвѣтъ, — но виноватъ безъ вины²¹.

В письмах к студенту Михаилу Павловичу Федорову от 11 мая и 19 сентября 1873 года Достоевский соглашается с намерением своего корреспондента переделать повесть «Дядюшкин сон» в комедию:

На теперешнее письмо Ваше опять съ охотою отвѣчаю согласіемъ. Если Вамъ удастся — буду очень радъ; если же нѣтъ, то достоинства моей повѣсти (если только въ ней есть они) отъ неудачи Вашей на

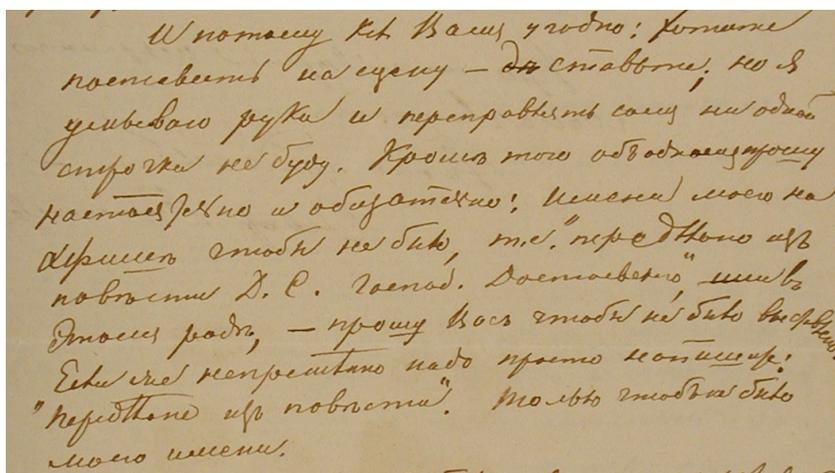
сценъ не потеряются. А такъ какъ мое согласіе кажется доставитъ Вамъ удовольствіе, то и не думаю медлить имъ²², —

но просит, чтобы его имя в переработанном произведении не указывалось:

Вот что скажу я Вамъ окончательно: Я не рѣшаюсь и не могу приняться за поправки. 15 лѣтъ я не перечитывалъ мою повѣсть: Дядюшкинъ сонъ. Теперь же, перечитавъ, нахожу ее плохую. Я написалъ ее тогда въ Сибири, въ первый разъ послѣ каторги, единственно съ цѣлью опять начать литературное поприще, и ужасно опасаясь цензуры, (какъ къ бывшему ссыльному). А потому невольно написалъ вещичку голубиною незлобія и замѣчательной невинности. Еще водевильчикъ изъ нея бы можно сдѣлать, но для комедіи — мало содержанія, даже въ фигурѣ князя, — единственной серьезной фигурѣ во всей повѣсти.

И потому какъ Вамъ угодно: хотите поставить на сцену — ставьте; но я умываю руки и переправлять самъ ни одной строчки не буду. Кромѣ того объ одномъ прошу настоятельно и обязательно: имени моего на афишѣ чтобы не было, т. е. “передѣлано изъ повѣсти Д. С. господина Достоевскаго”, или въ этомъ родѣ, — прошу Васъ чтобы не было выставлено. Если же непременно надо просто напишите: “Передѣлано изъ повѣсти”. Только чтобъ не было моего имени.

Конечно лучше бы было совсѣмъ и не ставить. Вотъ мой совѣтъ. Но такъ какъ я уже далъ Вамъ слово вначалѣ, а Вы употребили трудъ, то уже нечего дѣлать: все въ Вашей волѣ²³.

Илл. 4. Фрагмент письма Ф. М. Достоевского к М. П. Федорову
(НИОР РГБ. Ф. 93.1.6.45. Л. 4)

Ответные письма Достоевского В. Д. Оболенской и М. П. Федорову содержат не категорический отказ просителям, а, наоборот, внешнее согласие, но при деликатном удерживании от этого шага: писатель понимал, что княжна и студент, не имеющие литературного опыта, вряд ли справятся с задачей переделать его произведения в другие жанровые формы. Инсценировки произведений Достоевского В. Д. Оболенской и М. П. Федорова

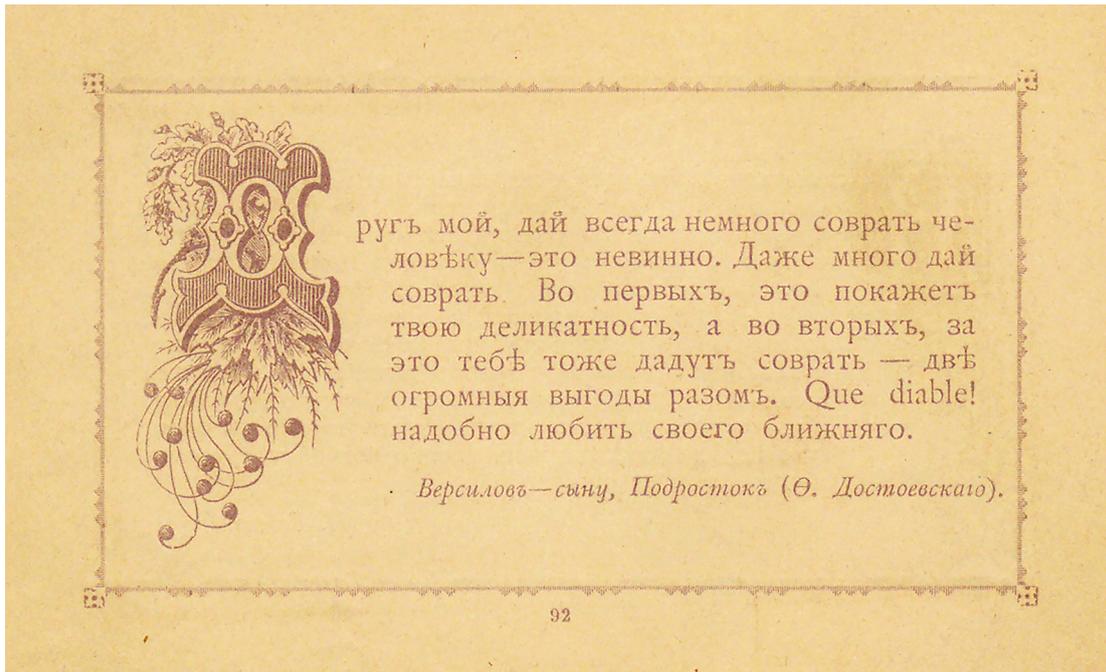
неизвестны. По-видимому, они прислушались к советам Достоевского и оставили работу над ними. Как воспринял Достоевский появившийся в печати рассказ «Раздавили! человека раздавили!», неизвестно. Тем не менее отсутствие свидетельств негативной оценки Достоевским данного рассказа, а также близость его взглядов на воспитание к позиции редакции «Детского чтения» позволяют сделать вывод о том, что писатель не возражал против переделки для детей сцены из «Преступления и Наказания». Возможно, как и в случае с М. П. Федоровым, Достоевский сам попросил не ставить его имени под рассказом.

Редакторов «Детского чтения» В. П. и А. Н. Острогорских и Достоевского объединяла общность не только педагогических воззрений, но и философских взглядов на человека. «Ненавидь зло, но люби человека; люби добродетель и умей отыскать ее в каждой живой душе, — писал А. Н. Острогорский в программной статье журнала. — Все мы люди, все человеки, и в хорошем человеке есть слабости и недостатки, и в дурном есть хорошие, человеческие струны. Люби человека и желай ему добра. В жизни добро и зло идут рядом, рука об руку, и часто уживаются рядом в одном человеке» [8, 207]. Это и одна из творческих идей Достоевского, глубокого исследователя человеческой души.

Братья Острогорские в своей педагогической и литературной деятельности неоднократно обращались к биографии и творчеству Достоевского. В. П. Острогорским написан очерк памяти Достоевского «У свежей могилы» (Молва. 1881. № 32). В 1887 году А. Н. Острогорский выпустил альбом цитат русских классиков (всего известно два альбома цитат, составленные А. Н. Острогорским), в который включил два фрагмента — из «Дневника Писателя» и романа «Подросток», посвященные вере и любви к ближнему²⁴.

Илл. 5. Из «Альбома цитат» русских классиков (сост. А. Н. Острогорский)

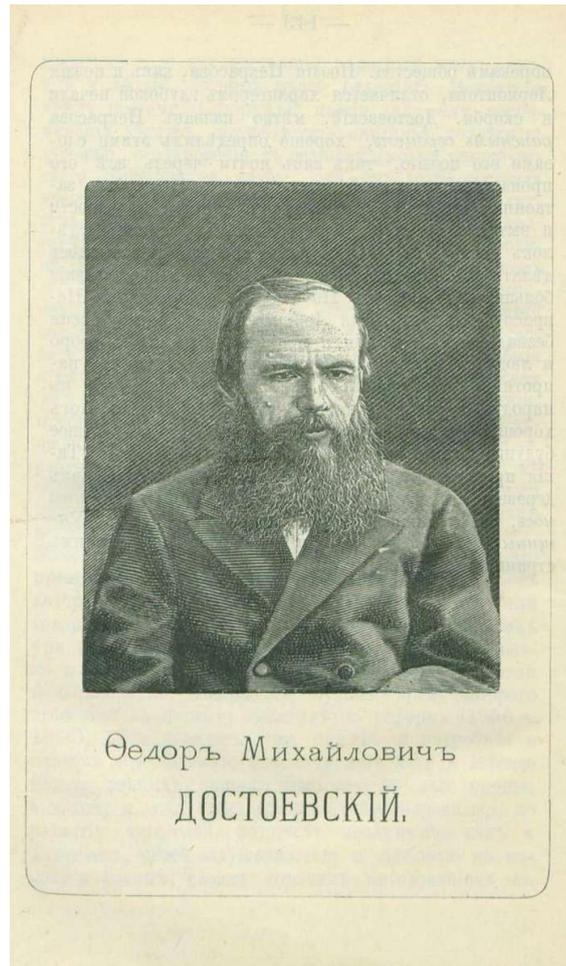

Илл. 6. Из «Альбома цитат» русских классиков
(сост. А. Н. Острогорский)

В 1897 году А. Н. Острогорский издает «Педагогические экскурсии в область литературы», где поднимает различные этические проблемы и рассматривает их на литературном материале. О проблеме справедливости он размышляет, обращаясь к эпизоду из жизни Достоевского: на выпускном экзамене по алгебре учитель незаслуженно занижил Федору оценку — в итоге будущему великому писателю не хватило полбалла для перевода в следующий класс. По мысли А. Н. Острогорского, справедливость нарушается, если в оценке преобладает субъективное отношение. Кроме того, когда речь идет о судьбе воспитанника, полбалла для педагога не должны иметь значения²⁵.

В. П. Острогорский, составив сборник для чтения юношества «Двадцать биографий образцовых русских писателей», включил в него биографию Достоевского, которую завершил словами: «Достоевскій — талантъ совсѣмъ особенный, самобытный, какого другаго нѣтъ. Никто изъ другихъ нашихъ писателей не умѣетъ такъ потрясти душу страшными картинами и сценами; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это и талантъ *всепрощающей любви, христіанскаго милосердія и состраданія* къ меньшему брату»²⁶.

Желая пробудить чувство сострадания в маленьких читателях «Детского чтения», А. Н. Острогорский обратился к эпизоду из романа Достоевского «Преступление и Наказание», создав рассказ для детей «Раздавили! человека раздавили!». Этот рассказ необходимо учитывать в библиографических указателях творчества Достоевского, отмечая, что он принадлежит А. Н. Острогорскому.

Илл. 7. Портрет Ф. М. Достоевского из книги В. П. Острогорского «Двадцать биографій образцовых русских писателей»

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ С электронными копиями «Новгородских епархиальных ведомостей» можно ознакомиться на сайте Российской национальной библиотеки: www.nlr.ru — в разделе «Ресурсы/Электронная библиотека/Коллекции». 1-й № «Новгородских епархиальных ведомостей» за 1879 год доступен по ссылке: <https://vivaldi.nlr.ru/pm000010928/view#page=5>
- ² Е. А. Федорова (Гаричева) сообщила об этом на XXV Международных Старорусских чтениях «Достоевский и современность» и отметила в своем учебном пособии [2, 79—81].
- ³ Опреѣленіе Святѣйшаго Синода // Новгородскія Епархіальныя Вѣдомости. 1879. № 1. С. 8—9.
- ⁴ Там же. С. 9.
- ⁵ Мог ли Достоевский читать «Новгородские епархиальные ведомости»? Писатель бывал в Новгороде начиная с 1872 года проездом в Старую Руссу, а 6 мая 1875 года специально ездил в Новгород для получения заграничного паспорта у губернатора Э. В. Лерхе. Пребывание его в Новгороде никогда не длилось более суток — однако, останавливаясь в гостинице Соловьевой, он находил время для чтения газет: «Сижу

и читаю “Голос” и пью чай» (Достоевский Ф. М. Письмо к Достоевской А. Г. От 4 февраля 1875 г. // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. (Далее: *Д30*). Т. 29₁. Л., 1986. С. 7). «Голос» — петербургская газета. Вряд ли Достоевский мог читать «Новгородские епархиальные ведомости»: «...в задачи издания не входило привлечение новой аудитории, и оно оставалось практически не интересным для мирян. <...> Первые издания “Новгородских епархиальных ведомостей” вплоть до 1894 года носили сугубо официальный характер и, следовательно, можно судить об узости читательской аудитории, в основном, это духовенство и церковнослужители» [7]. Наблюдение О. Кавецкой подтверждается тем, что в «Новгородских епархиальных ведомостях» многие годы отсутствовало оглавление — нет его и в № 1 за 1879 год, куда включен отзыв на рассказ «Раздавили! человека раздавили!». Впрочем, «Определение Святейшего Синода от 3—13-го ноября 1877 г. за № 1832, об изданных полковником Острогорским книгах для детского чтения...», рекомендовалось к публикации в разных епархиальных ведомостях (например, в московских), которые с большей вероятностью, чем «Новгородские епархиальные ведомости», могли попасть в руки писателю, и он мог познакомиться с данной там оценкой рассказа. Тем не менее достоверность или ошибочность этого предположения не влияет на исследование проблемы авторства произведения.

- ⁶ Федор Михайлович Достоевский. Антология жизни и творчества [Электронный ресурс]. URL: http://www.fedordostoevsky.ru/works/lifetime/crime_and_punishment/1870/ (28.08.2015). В настоящее время pdf-версия рассказа перемещена редакцией сетевого журнала в раздел «Разное» и располагается по ссылке: <http://www.fedordostoevsky.ru/research/sundry/003/>
- ⁷ Здесь и далее в тексте статьи приводятся авторские заглавия произведений Достоевского.
- ⁸ Дѣтское Чтеніе. СПб.: «Русская книжная торговля», 1870. Годъ второй. Томъ четвертый. Кн. VIII. С. 111—119.
- ⁹ В библиографических указателях А. Г. Достоевской и С. В. Белова ссылки на публикацию рассказа «Раздавили! человека раздавили!» 1870 года даны с ошибками: в первом — ошибочно указана последняя страница публикации, во втором — номер книги и последняя страница публикации.
- ¹⁰ Въ своемъ кругу. СПб.: Типографія П. Меркульева, 1875. С. 253—262.
- ¹¹ См. о журнале «Детское чтение»: [5], [6], [8].
- ¹² Источник иллюстрации: Острогорскій А. Н. Педагогическія экскурсіи въ область литературы. М.: К. Тихомировъ, 1892.
- ¹³ Источник иллюстрации: Нива. 1902. Вып. 1—26. Автор: Здобнов Дмитрий Спиридонович.
- ¹⁴ Острогорский А. Н. Десятилетие журнала «Детское чтение» (период первый — с января 1869 г. по июнь 1877 г. вкл.) [8, 207].
- ¹⁵ См.: *Д30*, 22, 9.
- ¹⁶ Раздавили! Человѣка раздавили! // Дѣтское Чтеніе. СПб.: Изданіе «Русской книжной торговли», 1870. Годъ второй. Т. 4. С. 113—114. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.
- ¹⁷ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: канонические тексты. Т. 7. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. С. 180—181.
- ¹⁸ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1890—1907 [Электронный ресурс]. URL: <http://vehi.net/brokgauz/> (15.02.2015);

- Лебедев П. А. Острогорский А. Н. // Российская педагогическая энциклопедия. М., 1993 [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/o/ostrogorskij_a_n/text_1993_about.shtml (15.02.2015).
- ¹⁹ Аверкиев Д. В. Русский театр в Петербурге. Первые три недели сезона [Электронный ресурс]. URL: <http://philolog.petrso.ru/fmdost/epoha.html> (15.01.2015)
- ²⁰ Письмо А. Н. Сниткина к А. Г. Достоевской от 1 октября 1877 года. Цит. по: [4, 458].
- ²¹ Письмо Ф. М. Достоевского к В. Д. Оболенской от 20 января 1872 года // НИОР РГБ. Ф. 93.1.6.37. Л. 1—2. Ср.: *ДЗ0, 29*, 225.
- ²² Письмо Ф. М. Достоевского к М. П. Федорову от 11 мая 1873 года // НИОР РГБ. Ф. 93.1.6.45. Л. 1. Ср.: *ДЗ0, 29*, 265.
- ²³ Письмо Ф. М. Достоевского к М. П. Федорову от 19 сентября 1873 года // НИОР РГБ. Ф. 93.1.6.45. Л. 3 об.—4. Ср.: *ДЗ0, 29*, 303—304.
- ²⁴ Альбомъ цитатъ изъ сочиненій С. Аксакова, Ауэрбаха, Гете, Гейне, Гоголя, Грибоѣдова, В. Гюго, Э. Достоевскаго, К. Кавелина, Кольцова, Лермонтова, Майкова, Некрасова, Никитина, Островскаго, Плещеева, Полонскаго, Кузьмы Пруткова, Пушкина, А. Толстого, Л. Толстого, Тургенева, Шекспира, Шиллера, Щедрина и др. 2-е изд. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1887. С. 15, 92.
- ²⁵ Острогорскій А. Н. Педагогическія экскурсіи въ область литературы. М.: К. Тихомировъ, 1892. С. 38—43.
- ²⁶ [Острогорский В. П.] Двадцать біографій образцовыхъ русскихъ писателей. Съ портретами. Для чтенія юношества / составилъ Викторъ Острогорскій. С.-Петербургъ: Изданіе Ф. Павленкова, 1890. С. 152.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белов, С. В. Ф. М. Достоевский : указатель произведений Ф. М. Достоевского и литературы о нем на русском языке, 1844—2004 гг. / С. В. Белов. — Санкт-Петербург, 2011. — 755 с.
2. Гаричева, Е. А. Информационная эвристика : учебное пособие / Е. А. Гаричева. — Великий Новгород, 2011. — С. 79—81.
3. Достоевская, А. Г. Библиографический указатель сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского, собранных в «Музее памяти Ф. М. Достоевского» в Московском Историческом музее имени императора Александра III. 1846—1903 / сост. А. Г. Достоевская. — Санкт-Петербург : Тип. П. Ф. Пантелеева, 1906. — 392 с.
4. Достоевский в неизданной переписке современников (1837—1881) / статья, публикация и комм. Л. Р. Ланского // Литературное наследство. — Т. 86 : Ф. М. Достоевский : новые материалы и исследования. — Москва, 1973. — С. 349—564.
5. Захарова, О. В. Идеи Достоевского в развитии концепции еженедельника «Гражданин» (1873—1874) / О. В. Захарова // Проблемы исторической поэтики / М-во образования и науки РФ, ФГБОУ ВПО ПетрГУ ; [редкол.: В. Н. Захаров (отв. ред.) и др.]. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2014. — Вып. 12 : Евангельский текст в русской литературе XII—XXI веков : цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 9. — С. 243—251.
6. Захарова, О. В. Достоевский в прижизненной критике (1845—1881) / О. В. Захарова // Достоевский и журнализм / под ред. В. Н. Захарова, К. А. Степаняна, Б. Н. Тихомирова. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2013. (Dostoevsky monographs ; вып. 4). — С. 316—326.

7. Кавецкая, О. «Новгородские епархиальные ведомости» (1875—1920) : основные этапы истории / О. Кавецкая // История новгородских газет и журналов : взгляд из XXI века [Электронный ресурс]. — Великий Новгород, 2012. — Вып. 1. — С. 18—35. — URL: <http://www.novsu.ru/file/1129333> (15.02.2015).
8. Колесова, Л. Н. Детские журналы России (1785—1917) / Л. Н. Колесова. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2014. — 260 с.
9. Корнилова, В. В. Детские иллюстрированные журналы Санкт-Петербурга XIX в. / В. В. Корнилова // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. — 2011. — Вып. 4. — С. 82—96.
10. Нечаева, В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время» (1861—1863) / В. С. Нечаева. — Москва : Наука, 1972. — 320 с.
11. Свиридова, З. И. Журнал «Детское чтение». Петербургский период (1869—1893) / З. И. Свиридова // О литературе для детей. — Ленинград, 1955. — С. 218—254.

Дата поступления в редакцию: 01.09.2015